

ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕЗАУРУС В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Н. В. Захаров

Институт гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета, Москва

Shakespeare's Thesaurus of Pushkin's Creative Evolution

N. A. Zakharov

Institute of humanitarian studies, Moscow university of humanities, Moscow

Данная статья посвящена проблеме творческой эволюции Пушкина под влиянием гения Шекспира. Основной проблематикой статьи является исследование хода развития творчества Пушкина, его духовного, философского и художественного роста в годы его знакомства с творчеством Шекспира, главным образом, с начала 1820-ых гг. и вплоть до смерти в 1837 г. Основная суть проблемы может быть сформулирована следующим образом: диалог между Пушкиным и Шекспиром является важной частью не только русской литературы, но и филологии, в целом. В статье предпринята попытка изучить присутствие Шекспира в художественном мире Пушкина, прибегая к «тезаурусному подходу».

The article is concerned with the problem of Pushkin's creative evolution under the influence of Shakespeare's genius. The center focus of the article is Pushkin's creative development, his spiritual, philosophical and artistic growth during the years of his Shakespearean studies, namely, from early 1820s up to his death in 1837. The essence of the problem can be summarised as follows: the dialogue between Pushkin and Shakespeare is a significant part of the history of Russian literature and philological studies. This article attempts to examine the presence of Shakespeare in Pushkin's creative works by applying «thesaurus approach».

Творчество Пушкина явило мировое значение русской литературы. Есть историческая несправедливость в том, что это литературное признание Россия получила, благодаря его последователям — Достоевскому, Тургеневу, Толстому, Чехову, Горькому, Булгакову, Шолохову и Пастернаку, но не Пушкину. В обсуждении этой проблемы нельзя ограничиться общим местом — оговоркой о «непереводимости» Пушкина на иностранные языки. В самой постановке проблемы заключены более глубинные, коренные причины, разобраться в которых необходимо для осознания места русской литературы в мировой культуре. Как остроумно заметил В. Вейдле, «Европа смакует русскую экзотику, но в Пушкине не узнает себя; если же узнает, то узнанного не ценит» [1]. Европа так и не смогла сделать Пушкина «своим», во многом он оказался «чужим», а может даже и «чуждым» для западной культуры [2].

Одним из парадоксов поэтического творчества Пушкина стало преобразование им русского языка, что особым образом отразилось в его переводческой деятельности: «Язык этот он заставил совершать чудеса, и притом так, что они совершаются как бы сами собой, точно сам язык сделался поэтом. Разве не одной уже прелестью языка даже первая глава «Евгения Онегина» лучше Байрона и «Капитанская дочка» лучше Вальтера Скотта? По размаху творческого воображения Пушкин не был равен Данте, Шекспиру или Гете, но достаточно прочесть «Сцену из Фауста», «Подражание Данту» и монолог скупого рыцаря, этот несравненный образец прививки шек-

спировского стиля иной поэзии и иному языку, чтобы убедиться, что в пределах отрывка, образца (что уже немало, так как ткань гения везде одна) он сумел потягаться с ними, стать их спутником, оставаясь в то же время самим собою. Чудо гения во всех этих случаях есть прежде всего чудо самоотверженной любви; но любовь выбирает и не может не выбирать, это не просто "всемирная отзывчивость"» [3]. Мы-то знаем: именно Пушкин привел русскую музу в пантеон мировой поэзии. Не важно, что это осталось за пределами культурологического тезауруса запада. Мы то знаем, что Пушкин, отчасти благодаря своей «всемирной отзывчивости», о которой говорил Ф. М. Достоевский, легко превращал «чужой» поэтический материал в почву для возделывания «своего» оригинального поэтического творчества. И в этом плане для него не было «чуждых» литературных источников. Он превосходным образом смог «освоить» литературное наследие: Байрона, Вальтера Скотта, Данте, Гете, Шекспира... И хотя имя Шекспира в хронологии «освоения» последние, оно не только не самое важно, оно стержневое. Шекспир занимал исключительное место в пушкинской концепции мировой литературы.

Янко Лаврин очень точно определил роль «великих англичан» в поэзии Пушкина, отметив его способность подчинять их художественные достижения задачам своего творчества: «Несмотря на свою короткую жизнь, Пушкин оставил огромное литературное наследие в стихах и прозе. В нем он продемонстрировал редкую способность своего гения к восприятию чужого так,

чтобы потом приспособить его к себе. Пушкин пребывал под влиянием множества литературных воздействий, но не уступал ни одному из них. Поглощая и перерабатывая их, он расширял и без того широкий диапазон и усиливал самобытную оригинальность своего гения. Самые сильные воздействия исходили из Англии и были связаны с именами Байрона, Шекспира и сэра Вальтера Скотта. Однако все они, воздействуя как стимул, были претворены Пушкиным в его собственных образах» [4].

Открытие Байрона, а затем Шекспира изменило читательские пристрастия поэта. Чтение этих авторов во французских и русских переводах побудило его к изучению английского языка. Мемуаристы отметили особый интерес Пушкина к английской литературе, его желание читать на языке оригинала. Изменилось пушкинское отношение к французской литературе: в выборе творческих приоритетов он отдает предпочтение английской словесности.

Пушкин увлеченно изучал английских авторов с начала 20-х годов (лорд Байрон, Вальтер Скотт, Джон Беньян, Джон Мильтон, Джон Вильсон, Барри Корнуол, Томас Мур, Роберт Саути, Чарлз Вульф, Уильям Вордсворт, Сэмюель Кольридж и др.), но именно Шекспир оставил самый глубокий след в душе поэта, и произошло нечто особое и редко случающееся: обнаружилось духовное родство двух гениев, Пушкин проникся «взглядом» Шекспира. Он усваивает уроки британского гения: впитывает шекспировский драматизм и историзм, воспринимает его концепцию характеров, парадоксальность и одновременно естественность художественных решений; приняв его поэтику национального колорита, Пушкин открывает Россию в русской истории.

Перефразируя известные слова поэта, можно сказать: в подражании Шекспиру Пушкин имел «благородную надежду на свои собственные силы, надежду открыть новые миры, стремясь по следам гения». Радость общения с великими собеседниками вызывала в нем «чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» (ср.: XII, 82). Пушкин отвергал возможность дословного перевода и его художественную ценность. Плодом пушкинских подражаний был не столько перевод, сколько сотворчество, не вторичная, а новая жизнь в поэзии вечных тем, сюжетов и идей. Пушкин не только переводил, но, вдохновляясь оригиналом, творил сам. Для Пушкина (и тем более для Шекспира) чужой текст не имел абсолютной ценности, не имел абсолютной завершенности — он был материалом собственного творчества, источником поэтического вдохновения. Как верно заметила по этому поводу Т. Г. Мальчукова, «степень свободы в передаче подлинника, дозволяемая поэту, традиционно считается больше той, которая допустима для переводчика» [5].

Остается открытым вопрос, сколь свободно Пушкин владел английским языком. Как показывает обсуждение этого вопроса (М. А. Цявловский, В. Набо-

ков, Г. Гиффорд, М. А. Алексеев, Ю. Д. Левин, А. А. Долинин), проблема до сих пор не решена. На наш взгляд, знание любого языка, в том числе и родного, относительно. Знание чужого языка обусловлено пониманием родной речи, наличием толковых и двуязычных словарей, живой традицией эстетического обучения языку носителями данного языка. В жизни Пушкина были все источники знаний, а недостатки некоторых компенсировались гениальной интуицией и сравнительным изучением оригинала и переводов на разные (прежде всего французский) языки. Бесспорен факт, что с середины 20-х годов Пушкин был одним из самых авторитетных ценителей и знатоков Шекспира и английской литературы, а перевод шекспировской комедии «Мера за меру» («Measure For Measure») показывает, вопреки бытующему мнению, что знание английского языка у Пушкина было достаточным для его безупречного исполнения.

Следы шекспировских «штудий» обнаруживаются во многих произведениях Пушкина: они проявляются в цитатах и аллюзиях, в реминисценциях и мотивах, в идеях и образах, в заимствованиях драматической и повествовательной техники и секретов стихотворного ремесла, в усвоении шекспировских «антропологических принципов» в изображении характеров героев и его гениальных художественных открытий.

Обширен «шекспировский текст» русского поэта. Он установлен трудами нескольких поколений пушкинистов — и русских, и западных. При всей его неполноте даже в простом перечислении этот список огромен. Диалог Пушкина и Шекспира на этом уровне — безграничное поле интертекстуальности, на котором британский гений взрос для русского поэта на почве разных национальных культур — не только на английской, но и французской, немецкой, русской.

Объем «шекспировского текста» Пушкина значительно превзойден в критических интерпретациях исследователей. О Пушкине и Шекспире созданы, казалось бы, исчерпывающие труды. Глубокая постановка проблемы и обстоятельный анализ пушкинского изучения Шекспира дан в работах П. В. Анненкова, Н. И. Стороженко, М. Н. Розанова, Г. О. Винокура, С. Герфорда, А. П. Бриггса, Т. Шоу, И. Ронен и др.

Влияние Шекспира на Пушкина плодотворно и многообразно. Оно выходит за рамки литературных ассоциаций и реминисценций. Пушкинские «штудии» Шекспира обнаруживают духовную близость поэтов. Ученичество Пушкина имело глубокие мировоззренческие последствия: на многие личные и исторические события Пушкин стал смотреть «взглядом Шекспира».

В творчестве это особенно полно выразилось в «Борисе Годунове», «Маленьких трагедиях», но ярче всего уроки шекспировских «штудий» проявились в незавершенном переводе пьесы «Measure for Measure» и в последующей его трансформации в поэму «Анджело».

Незавершенный перевод «Меры за меру» был важным этапом творческой истории поэмы Пушкина. Его перевод меньше по объему многословного оригина-

ла и других переводов Шекспира. Пушкин краток в выражении смысла «Меры за меру» как в переводе пьесы, так и в поэме «Анджело». Это отражает общую тенденцию поэтической эволюции Пушкина. В незаконченном переводе диалогов шекспировских героев и их реплик, в трактовке поэтических образов он адекватно передает смысл пьесы Шекспира.

Те же поэтические принципы создания текста использованы в поэме «Анджело». Черновики поэта свидетельствуют, что Пушкин перечитывал текст «Меры за меру» на английском языке и переводил отдельные фрагменты оригинального текста. По-видимому, у Пушкина был, как в других подобных случаях, подстрочный перевод пьесы Шекспира. На это указывают шекспировские образы, эпитеты, большие фрагменты пушкинского текста с сохранившейся грамматической и лексической структурой английского подлинника. Только при установке на перевод возможно столь близкое следование шекспировскому оригиналу, которое есть в пушкинской поэме.

Основной текст пушкинской поэмы является, по сути дела, вольным переводом драмы Шекспира «Мера за меру». Пушкин сокращает у Шекспира то, что кажется ему необязательным в развитии сюжета, он пересказывает драматические перипетии сюжета и запутанную риторику диалогов и монологов, из которых он выбирает самые интересные и выразительные фразы и переводит их поэтически совершенно и достаточно точно. Однако, несмотря на то, что текст поэмы Пушкина почти целиком состоит из слов, взятых из шекспировского оригинала, «Анджело» как бы соткан из образов, метафор, идиом, реплик героев шекспировской «Меры за меру», перед нами оригинальное произведение русского поэта, который изменяет сюжет, жанр, фабулу, композицию, переосмысляет концепцию характеров, усиливает этический конфликт шекспировской драмы, дает поэме оригинальное название, вносит «русский дух» в «итальянский колорит» сюжета.

В своей поэме Пушкин сократил количество персонажей шекспировской драмы: оставил девять вместо двадцати трех, перенес действие из конкретной Вены в абстрактный «один из городов Италии счастливой». Он отказался от комических сцен, грубого юмора, сделал стиль своей поэмы более строгим и сдержанным. Герцог Винченцио становится у Пушкина «предобрый» и «старым» Дуком, который не имеет корыстных побуждений испытать Анджело, он искренне считает, что ему пора уступить свое место более достойному. Начальная картина беззакония, порока и попустительства, сценически развернутая у Шекспира, уместается у Пушкина в несколько строк. Пушкин сократил до трех семь сцен с Ду-

цио. Луцио Пушкина хотя и «повеса, вздорный враль», но удерживается от клеветы на Дука. У Шекспира бедный Клаудио — первая и единственная жертва, попавшая под горячую руку облеченного властью закона Анджело, у Пушкина разворачивается картина тирании Закона. Эти изменения выявляют отличия в концепции характера Анджело у Пушкина и Шекспира. Пушкин возвышает своего героя до подлинного трагизма, тот тверд в своих государственных и этических принципах, он судит не только других, но и себя. Пушкин усугубляет вину соблазнителя: у Шекспира Мариана — невеста — бесприданница, жениться на которой Анджело отказался под видом каких-то бесчестящих ее обстоятельств; у русского поэта Марьяна — брошенная жена Анджело. Лаконичная сцена суда над Анджело развивается у Пушкина с большим динамизмом, чем у Шекспира.

Поэма «Анджело» существует в неразрывном единстве творческого процесса поэта, она была одним из важных свершений в его художественном триумфе второй «болдинской осени» 1833 года, когда один за другим появляются признанные шедевры: «История Пугачева», поэма «Медный всадник», повесть «Пиковая дама», переводы двух баллад Мицкевича, лучшая из сказок «О рыбаке и рыбке», стихотворение «Осень». Создание поэмы в полной мере выражало общие тенденции развития творчества Пушкина и русской литературы: увлечение идеями народности, преодоление «ничтожества русской литературы», обретение национального достоинства, открытие реализма и историзма.

Работа над поэмой отвечала потребностям духовного развития Пушкина, в ней воплотились политические устремления и этические принципы, основанные на христианских добродетелях и ценностях. Его Дук (при естественном и понятном человеческом несовершенстве и противоречиях героя) олицетворяет идеал правителя-христианина. Пушкин нашел выразительные слова для представления своего героя:

«предобрый, старый Дук,
Народа своего отец чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и наук». (V, 107)

В отличие от шекспировского персонажа, он более человечен и мудр.

Диалог с Шекспиром помог Пушкину обрести неповторимую глубину выражения смысла слова, понимания природы человека и власти, и именно поэтому «Анджело» — лучшее произведение ученика, сумевшего превзойти в творческом состязании своего великого и любимого учителя, коим был для русского поэта британский гений.

Литература

1. Вейдле В. В. Пушкин и Европа. В изд.: Русская речь. № 3. 1991. С. 41.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
3. Луков Вал. и Вал. Концепция курса «Мировая культура»: тезаурусологический подход. Педагогическое образование. 1992. № 5. С. 8—14; Луков Вал. А. Мо-
4. Lavrin. J. Puskin and Russian Literature. L., 1947. P. 153.
5. Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 326.